

СМИ

АКАДЕМИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ

ТЕХНОЛОГИЙ

СМИ Вопросы морали и этики в
средствах массовой информации
СМИ.6. Христианское в советской культуре?

(количество частей – 1, число страниц - 22)

СМИ.6

Эпоха — советская, соль – христианская...

Я бы предложил сегодня тему, достаточно неожиданную даже для меня — о христианском измерении русской литературы в советскую эпоху. Причем не только в тех случаях, когда автор писал наперекор властям, вразрез с идеологией, отказываясь быть современником тотальной разрухи в головах, как Осип Мандельштам, Александр Солженицын, Илья Габай и другие, кто работал в стол, поскольку вероятность публикации была крайне мала.

Иеромонах Димитрий (Першин)

Но и в тех, когда тексты создавались вроде бы вне прямой оппозиционности властям и даже издавались большими тиражами, но при этом возвращали читателей не к заветам 1917-го (помните «И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной»? — так ранний Булат Окуджава романтизировал революцию), но к гораздо более значимым горизонтам дореволюционной – и в этом смысле европейской — культуры.

К их числу относится проза Василия Шукшина и Бориса Васильева, поэзия Беллы Ахмадулиной, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского или авторская песня, к примеру, Владимира Высоцкого и Юлия Кима. И это лишь малая часть тех имен, что должны были бы здесь прозвучать.

Более того, даже, казалось бы, совсем светско-советская массовая литература, случалось, была вполне религиозной. Буквально на днях мне довелось прочесть воспоминания солдата, прошедшего Сталинград. Не повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», а просто мемуарные записи рядового, татарина, Мансура Абдулина – «160 страниц из солдатского дневника» (1985 года издания).

На этих страницах запечатлено, как рождается религиозное чувство у атеиста. Он, шахтер, провоевавший полгода до тяжелого ранения, рассказывает, как когда-то был воспитан в атеизме, потому что его отец был искренним партийцем, тоже шахтером.

Но после нескольких недель страшных боев под Сталинградом этот человек, *tabula rasa*, если говорить о религиозном сознании, вернулся к очень архаичным, примитивным религиозным практикам — к магии. Он своими руками сделал себе талисман, окутанный суевериями (вещица «имела силу», если о ней знал только ее хозяин), уверовал в эту «силу» и в свою судьбу. В окопах подобный талисманофатализм был повальным.

Но по своему отношению к людям, в своих поступках, действиях, Мансур был человеком, полагающим душу свою за других. Так он вспоминает, как однажды их отправили пешком по степи к Дону, на передовую, а интенданты заблудились, и несколько суток батальон оставался без довольствия.

Когда же привезли хлеб и раздали, кто-то этот хлеб у Мансура украл. Комбат взвел курок и велел всем открыть вещмешки. Все открыли, а один солдатик не открывает, и глаза опустил. По требованию комбата Мансур подошел к нему, нащупал в вещмешке две буханки и говорит: «Украденный хлеб не обнаружен». Комбат оторопел, изменился в лице и очень довольный – по глазам было видно — убрал пистолет. А бойцы — все отрезали обворованному товарищу по ломтю.

Но вот через пару недель тот укравший солдатик был тяжело ранен в легкие, и автору воспоминаний было приказано отволочь его через степь в санроту. И у него началась, как бы мы сейчас сказали, духовная брань: бросить или не бросить? Если бросить, то можно было дожидаться полевой кухни, тем более, что бойцы опять сутки голодали. А тут еще и раненый пришел в сознание и попросил: «Мансур, пристрели... А не можешь, брось... Замучил я тебя...». Но он дотащил его и передал санитарам.

Потом все время вспоминал, что там снаряд взорвется рядом, но его не заденет, здесь взорвется. Как он полагал, судьба его хранила, потому что, если делаешь добро, то оно к тебе по принципу бумеранга возвращается. Это уже не просто совестная рефлексия, это уже религиозное сознание, но в очень примитивных формах, в магических. Оно и сейчас является массовым в России.

Но вот если мы откроем тексты Бориса Васильева или вслушаемся в фильмы Тарковского, мы увидим там не принцип слепого возмездия, а пространство евангельской этики и христианской надежды.

**"Самое последнее дело - на человека обиду держать"
("Не стреляйте в белых лебедей")**

И поэтому мой первый вопрос уже к вам: а кто читал «Не стреляйте белых лебедей» Бориса Васильева из присутствующих здесь?

А кто смотрел фильм? Я вижу две руки, три.

Что ж, первый шаг, который делает человек, познавая себя, — он обнаруживает, что не равен себе самому, что он больше своей физики и биологии.

Давайте попробуем сделать этот шаг вместе с Борисом Васильевым, тоже, кстати говоря, фронтовиком:

«В работе, сынок, без суеты старайся. И делай, как душа велит: душа меру знает.

– А почему, тять, ты про душу-то все говоришь? В школе вон учат, что души вовсе нет никакой, а есть рефлексы.

– Чего есть?

– Рефлексы. Ну, это — когда чего хочется, так слюнки текут.

– Правильно учат, — сказал Егор, подумав. — А вот когда не хочется, тогда чего текет? Тогда, сынок, слезы горячие текут, когда ничего больше уж и не хочется, а велят. И не по лицу текут-то слезы эти, а внутри. И жгут. Потому жгут, что душа плачет. Стало быть, она все-таки есть, но, видать, у каждого своя. И потому каждый должен уметь ее слушать. Чего, значит, она ему подсказывает».

Думаю, главной темой русской литературы советской эпохи было знакомство человека с его душой, с внутренним миром, преодоление примитивных схем марксизма-ленинизма, которым учили со школы. А через знакомство с душой, в каждом человеке обитающей, и с законами, по которым душа живет, читатель приходил к вопросу: откуда во мне эта душа и эти законы и почему мне плохо, когда я их нарушаю и хорошо, когда я им следую?

Егор в повести «Не стреляйте в белых лебедей» — это, конечно, образ юродивого, пытающегося в Советском Союзе жить по закону высшей правды. Эта жертвенная неотмирность свойственна, пожалуй, лишь тем древнерусским подвижникам-инокам, в честь которых Русь некогда именовали Северной Фиваидой. И хотя Егора обзывают Бедоносцем, очевидно, что его тем самым соотносят со святым Егорием (Георгием) Победоносцем.

"Не стреляйте в белых лебедей"

Егор не вмещается ни в марксизм-ленинизм, ни в культуру потребления. Как его задавили хмыри советской эпохи, точно так же, может, даже быстрее и с большим энтузиазмом, придушили бы хмыри эпохи постсоветской. Придушили бы по тем же самым причинам – человек не прогибается под естественный ход вещей. В этом романе естественно – своровать, придушить, под себя подтащить. Иными словами, жить по законам борьбы за существования в мире, который во зле лежит. А тут человек отдает. И читатель, читая этот текст, где-то плачет, где-то сжимает кулаки, где-то потрясен тем, что Егор сжимать кулаки отказывается.

Он учится очень важным вещам, учится прощать. Причем прощать не только дальних, но и самых близких ему людей. Жаль, что в школе это входит только в дополнительное чтение, потому что эта книга учит ребенка прощать не только своих друзей, но и своих родителей, видеть в них не только ошибки, но и свет.

Ошибки есть, и в какой-то момент подросток начинает их замечать и, естественно, отвечать по ветхозаветному принципу «око за око, зуб за зуб» — вы меня в угол поставили, а я от вас убегаю в знак протеста. И вдруг здесь ситуация выходит на такой высокий уровень осмысления, когда ребенок учится сострадать выпивающим, ссорящимся, в общем, несовершенным родителям. Кстати говоря, этой же теме посвящен пятый том гаррипоттеровского семикнижья.

А помните финал? С одной стороны, наше сердце просит возмездия — вот бы этих негодяев посадить, они же человека убили, если бы мы там были, вступились. Помните развязку, да? Егор, став лесником, находит тех, кто потехи ради убивает прирученных им белых лебедей. А они его забивают ногами насмерть. Среди бьющих его — свояк, муж сестры жены, близкий человек. Егор его узнает. Перед смертью он приходит в себя (его, чуть живого, допрашивает следователь) и не называет имени этого человека, не дает показаний. И уходит с этим — он простил!

В конце потрясающий диалог между ними. Это не переворачивает души убийцы. Он попереживал некоторое время, а потом все улеглось. Он даже собаку убил, которая отказалась кусать Егора. И в итоге Егор, который не отомстил, не пошел по закону возмездия, по закону Ветхого Завета, по закону мести, который принял смерть от рук близкого человека и не только не воспротивился этому, а до последнего за правду, как он понимал, сражался, оказывается выше. В этом отличие от «Калины красной» Шукшина, где преступников настигает кара. Даже, если вы помните экранизацию, их утопили.

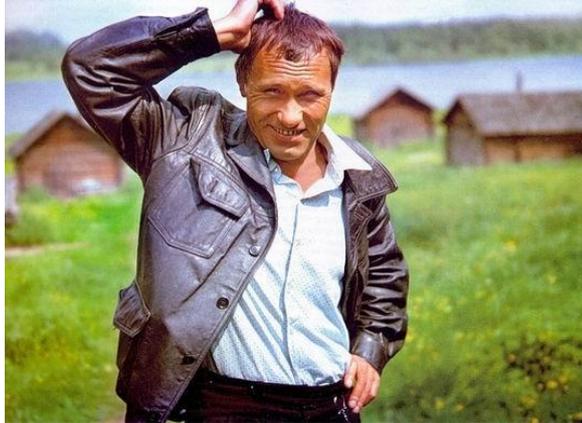
Здесь этого не происходит. Мы остаемся один на один с самими собой, и происходит визуализация внутреннего мира человека. Мы вдруг как на ладони видим отношение к своим родителям, своим детям, своей собственной жизни, своей душе, к вечности. Человек себя узнает в этих историях с чистоглазиком-сынишкой, который последняя радость у Егора, в судьбах людей, которые проходят перед нашими глазами. Автор совершенно не идеализирует своего героя, есть у него минусы. Но где-то глубже мы видим тоску по высшей правде.

Я думаю, это **специфика русской цивилизации — жажда правды**. Даже не справедливости, а той правды, что выше справедливости, выше закона. Эта правда (другое название, наверное, любовь или милосердие) — евангельская, правда Божия. И когда мы (я имею в виду Церковь) в наше время каждый день слышим серию адресованных нам жестких вопросов, мы вдруг понимаем, что общество, люди сравнивают наши поступки, наши действия (иногда придуманные, иногда эти

действия – некоторые провокации, но они вброшены в СМИ) и тот закон, ту правду, по которой должны жить люди, именующие себя христианами. И видят несоответствия — отсюда вопросы.

Благодать за пределами Церкви

Поэтому, я думаю, что это очень важно понимать, как сравнивать Бориса Васильева и Шукшина.

Василий Шукшин

У Шукшина есть замечательная новелла «Алеша Бесконвойный». Никто не читал? Буквально три-четыре страницы. Напомню сюжет. Он очень простой. Есть некоторый крестьянин, колхозник Алеша Бесконвойный — это прозвище, кажется. Обычный человек, но у него есть святое – это шестой день недели, суббота, когда он баню топит. И вот там он становится самим собой. Что бы ни происходило, баня — это святое.

Вдруг мы читаем поразительные вещи. У него просит займы сосед, которому нужно лес оплатить и не хватает какой-то суммы денег. Алеша отдает из записки эти деньги соседу, а в конце дня подводит черту тому, что случилось за день. День у него был очень бурный, тяжелый, а он говорит, какой замечательный день: с женой не ругался, детишки не болели, даже денег займы взяли! Он стал беднее, потерял деньги. Наверное, ему их вернут, там нормальные отношения, но сейчас он отдал, а день вдруг стал замечательным.

Шукшин блестяще показывает, как меняется все вокруг и внутри. Главное, что внутри у человека, который что-то кому-то отдает на бытовом уровне. Не те подвиги, о которых мы читаем в житиях мучеников, новомучеников, а что-то вот здесь, сейчас, в нашей жизни. Старушке сумку поднес или беременной женщине место уступил, дверь в метро подержал. Включил поворотник! Видели, сейчас в Москве есть социальная реклама? Зеркальце изображено на плакате, ребенок малый в шлеме — видимо, начинающий байкер, и написано: «Включи поворотник — сохрани жизнь!». Замечательная реклама, христианская! На этом уровне человек вышел из кокона, из скорлупы собственного эгоизма, проломил эту скорлупу навстречу кому-то. Может быть, этот кто-то не заметил, но это неважно.

Важно, что в сердце человека приходит некоторая радость. Природа этой радости, может, имеет две интерпретации, два толкования. Что это за природа?

Первый ответ совершенно естественный и понятный, в котором, наверное, совпадают и православие и католичество: душа радуется, потому что она совершает то, ради чего пришла в этот мир – отдает, делится, как-то раздает себя. Как рука радуется, когда она дрова колет; ноги радуются, когда куда-то идут — с рюкзачком за спиной человек идет, глаза радуются, видя простор, небо или горы. Так же душа радуется, когда она исполняет то, ради чего она пришла в этот мир, потому что душа — христианка.

Другое объяснение, более интересное, более глубокое, дает Феофан Затворник и другие мыслители православной традиции. Они говорят о призывающей благодати Божией, о той благодати, которая действует за пределами Церкви. Это реальная проблема для богословия. С одной стороны, человек обретает Бога в Церкви, но, с другой стороны, он ведь откуда-то приходит в Церковь. Значит, встреча с Богом происходит за пределами Церкви. Поскольку в Православии есть учение о благодати, о славе Божией, о божественных энергиях, которыми стоит мир, и бытие каждого существа, даже, кстати, бесов. Бытие – это дар Божий им, а дар Божий – это действие.

Точно так же есть некие энергии, которые призывают человека к Творцу, обращают, касаются его сердца за пределами Церкви. Собственно, в них и заключается надежда на спасение для язычников, для людей, которые отпали от Бога, может быть, где-то когда-то, но не совсем о Нем забыли — для людей, которые вне Церкви оказываются. Потому что в Православии спасение – это всегда встреча с Богом и некое оправдание хотя бы чего-то в твоей жизни, что достойно войти в жизнь вечную.

Так вот, если вернуться к Василию Шукшину, к этой истории, слова «Какой сегодня день замечательный!» говорят о том, что к герою новеллы приходит действительно необъяснимая радость, радость нездешняя. Может быть, это некоторое эхо той самой благодатной радости, потому что Господь светит всем. Даже людей, не подозревающих о Боге, может касаться вот эта радость.

Гэндальф, фильм "Властелин колец"

В русской советской литературе мы встречаем примеры такой радости. Есть понятие некой неназываемой реальности. У Толкиена в его «Властелине колец» о Боге ни слова не говорится, но то, что происходит в книге, подсказывает нам, что там не случайно все это происходит. Когда Фродо хочет убить Горлума в пещерах Мории, Гэндальф ему говорит важную вещь. Гэндальф, как потом мы узнаем, – это ангел, который действует в этой книге. Но это мы узнаем не из книги, а из писем Толкиена.

Он ему говорит: «Многие люди, недостойные жизни, они живы, живут. Другие же, которые достойны жить, они погибли, они лишились жизни. Можешь ли ты им вернуть эту жизнь? Не можешь? Тогда не спеши отнимать».

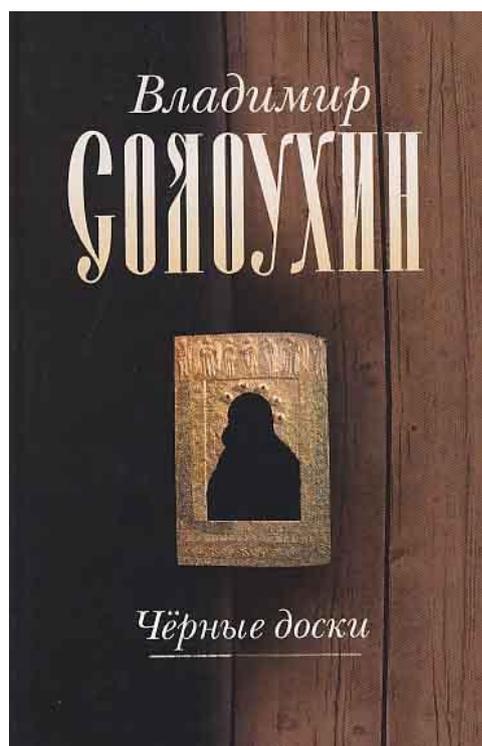
В конце этой истории тот самый Горлум, которого тогда Фродо пожалел, он и спасает мир, бросившись на Фродо (который сломался, пал), откусив ему палец с кольцом и упав с этим пальцем в пропасть.

Мы понимаем, за всем этим происходящим есть Промысл — то, что ведет, помогает, окрыляет этих героев.

Вот Промысл или некая высшая правда присутствует в текстах так называемых почвенников, некоторых других авторов советской эпохи. Я не могу к ним отнести Иосифа Бродского, который был во внутренней эмиграции и оппозиции к тому, что происходило тогда в Советском Союзе, но у него есть удивительные совершенно стихи. Помните: «В деревне Бог живет не по углам»? Обратите внимание. Пришло время нам, христианам, людям христианской культуры, взглядеться, вслушаться в голоса XX века и, может быть, собрать и издать книгу свидетельств о Боге, о Творце, молитв, адресованных Ему, поэтов и писателей советской эпохи.

Не надо поклоняться государству

Вот еще отрывок из «Не стреляйте белых лебедей»: «Из томного угла строго смотрели древние лики. И Мать Божья уже не улыбалась, а хмурилась. Да кто глядел на нее с той поры, как старуха душу отдала? Вперед все глядели в этот, как его, в модерн». Слышите созвучия?

Ну, конечно, это тональность «Черных досок» Солоухина – книги, которая была напечатана еще в 1969 году и сразу же задала, если позволите, новый тренд.
<http://АСИКТ.РФ>

Древние иконы, которыми в колхозах раньше накрывали огурцы, кадки с капустой, использовали как столешницы – доска удобная, вдруг просияли древними ликами. И вот, прочитав «Черные доски», многие люди разглядели эти лики и поехали в эти села и стали их вызволять.

Я сейчас не говорю про черных перекупщиков и воров. Если можно назвать интеллигенцию душой народа, то вот эта очкастая душа народа, каста очкариков, вдруг расслышала в древних храмах, древних иконах красоту.

Люди по-разному приходят к Богу. Я встречал математиков, физиков, которые пришли к Богу, потому что были потрясены красотой формул, некоей гармонией, которая присутствует в этом мире, в космосе. Встречал я людей, которых привели эти черные доски. Они ничего не знали, но они видели красоту, пытались ее сохранить, сберечь, идти дальше, заглянуть внутрь, своими руками спасали эти иконы. Многие из них стали потом священниками — те, кто работал тогда в Третьяковке или в музее Рублева.

Скажем, отец Александр Салтыков, отец Борис Михайлов. Это их путь. Кого-то привели древнерусские тексты, древнерусская словесность и русская словесность тоже. Кого-то – западная философия.

Стоит отметить, что нигилизм 20-30-х годов, а также хрущевской эпохи, когда из оставшихся храмов растаскивали кирпичи для свинарников, и растаскивали их местные жители по своим домам, так вот семидесятые-восемидесятые годы этот нигилизм преодолевается изнутри. Ведь никто снаружи не заставлял, скорее, наоборот: икона в доме – это повод для серьезных разборок. Несмотря на препятствия, люди шли, искали, приходили.

Я помню, когда учился в третьем классе, по соседству (а жили мы на Юго-Западе) жила девочка Соня, которая не носила пионерский галстук (тогда все мы были пионерами). Ее папа сидел в тюрьме. Он был экономистом и просчитал перспективы развития Советского Союза, пришел к перестройке, к катастрофе экономической, которая должна была породить какое-то изменение ситуации. Как человек смелый, он не скрывал своих выводов, за это его и посадили. Кроме того, он был верующим. И вот непонятно, на что тогда жила его семья, но они не сломались и не согнулись. Весь наш микрорайон знал, что есть ребенок, который не пионер, отец сидит, семья верующая.

Вот, живые исповедники, которых мы застали. Я не говорю про священников той эпохи. Некоторые из них еще живы. Об этом сейчас мало говорится, но стоило бы сказать.

Один из них – отец Александр Мень, память которого мы будем 9 сентября совершать, был убит вдогонку, уже в перестройку. Люди шли поперек системы.

Я почему об этом говорю? Потому что сейчас мы все чаще соскальзываем в этатизм — поклонение государству, культ государства. В этом соскальзывании видится желание всех загнать в наше православие, в наши храмы. Дать по рукам, если что-то не так, и очень сильно. Замечательный человек, почитаемый как святитель, но не прославленный, Серафим (Соболев) — в Болгарии его могила – в 1930-е годы доходил до того, что призывал расстреливать за атеизм. При том, что человек был

высокой жизни. Но при этом в некоторой части своей души, своего сердца в эту утопию он впал.

Я подчеркиваю, что его ошибки не отменяют его величия, его подвига, но и про ошибки нельзя не сказать. У него была уверенность, что если бы расстреливали атеистов до 1917 года, не было бы революции и катастрофы. Он об этом прямо писал. Это я говорю к тому, что подобного рода соблазн может оказаться таковым не только для людей обычных, но и для людей глубокой внутренней жизни.

Наверное, вы все как-то краем сознания отслеживали всю шумиху вокруг суда над скандальной группой, которая позволила себе хулиганство в храме Христа Спасителя. Конечно, очень много вопросов к правовой стороне всего этого процесса, к тому, почему они находились под стражей все это время, почему получили такой срок, и о составе, который им вменили, и о статье, по которой осудили. И о том, почему первые лица государства — и Путин, и Медведев, и спикер Верхней Палаты, и министр юстиции, и многие другие этого уровня чиновники — говорили, что, наверное, не стоило бы их держать под стражей или наказывать строго, тем не менее они все это время находились в предварительном заключении.

Самым горестным для меня во всей этой истории, помимо того, что, конечно, не закон сейчас в России определяет судьбы людей, а какие-то иные инстанции, был такой момент. Идет суд, молодежь стоит с плакатом «Свободу...» этим подсудимым, а напротив некая теплая компания, которая себя называет православной молодежью, в ответ на это скандирует: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!» Так наизнанку выворачивает самые, наверное, святые слова, которые есть у нас, слова великой радости!

Помните, преподобный Серафим встречал людей: «Радость моя, Христос Воскресе!» Превратить их в вопль «Влепите им побольше и сейчас же! Засадите их поглубже» — это надо было постараться. Освальд Шпенглер, западный мыслитель начала XX века, ввел понятие «псевдоморфозы». Этот термин означает, что культура сохраняет свои внешние черты, но ее внутреннее содержание, сейчас бы сказали «контент», полностью переиначивается. То есть снаружи это Европа, а внутри — языческий, совершенно нехристианский мир. Фашизм, например.

Зарождение фашизма — загадочно — вроде бы Германия, великая цивилизация, а внутри это уже совершенно не Европа, это люди, у которых мозги наизнанку, если они вообще есть! То же самое происходит здесь. Вроде бы люди себя подают как православных, людей Церкви, раз такие слова звучат, а внутри там и близко ничего нет. Это даже не ветхозаветное «Око за око, зуб за зуб», это что-то гораздо более мрачное и печальное.

Мы понимаем на этом примере, как могла выродиться, мутировать, исказиться великая христианская традиция Запада. Католическая Церковь — великая Церковь, давшая большое количество святых, вдруг примерно так же — только гораздо дольше в истории мы наблюдаем этот процесс, в течение пяти-шести веков — выворачивается наизнанку настолько, что последовал взрыв протестантизма и великий раскол, до сих пор незалеченная рана.

Но ведь изначально это была Церковь православная, христианская, не менее великая, чем Церкви Византийского крыла Римской Империи. То есть само собой ничего не вырастет, не произойдет. Каждый век, каждый день, каждое мгновение

нужно понуждать себя, чтобы быть христианином, чтобы к этому идти. Вот здесь у нас есть, конечно, слава Богу, точка опоры — XX век.

Почему еще важно об этом говорить? Потому что сейчас есть такая тенденция – вычеркивать все, что не маркировано «made in church» из культурного багажа христианина. Ах, это Маяковский? Он безбожник и самоубийца, поэтому его читать не будем. Есенин – тоже. Глумился, значит, читать не будем. Это, конечно, большая ошибка.

Был ли крещен Высоцкий?

Кстати говоря, интересен вопрос, был ли крещен Владимир Семенович Высоцкий? Или нет? Интересен? Мне тоже, очень. Мне, конечно, хотелось бы найти, очень хотелось бы найти какие-то слова, его слова. Не рассказы о нем, потому что можно читать, слушать то, чего нет. А то, что, несомненно, его рукой написано.

Владимир Высоцкий

В общем, я думаю, что такие слова есть, они встречаются во многих песнях. Но вот есть текст, который нельзя интерпретировать иначе. Сейчас я его прочитаю.

Я бодрствую, но вещей сон мне снится.
Пилюли пью — надеюсь, что усну.
Не привыкать глотать мне горькую слюну -
Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Чтоб доказать — я в колесе не спица,
За то, что мне нейметя и не спится,
За то, что в передачах заграница

<http://АСИКТ.РФ>

СМИ.6 Христианское в советской культуре?

Передает мою блатную старину,
Считая своим долгом извиниться:
- Мы сами, без согласия... Ну и ну!
За что еще? Быть может, за жену -
Что, мол, не мог на нашей подданной жениться?!
Что, мол, упрямо лезу в капстрану
И очень не хочу идти ко дну,
Что песню написал, и не одну,
Про то, как мы когда-то били фрица,
Про рядового, что на дзот валится,
А сам — ни сном ни духом про войну.
Кричат, что я у них украд луну
И что-нибудь еще украсть не премину.
И небылицу догоняет небылица.
Не спится мне... Ну, как же мне не спиться?!
Нет! Не сопьюсь! Я руку протяну
И завещание крестом перечеркну,
И сам я не забуду осениться,
И песню напишу, и не одну,
И в песне той кого-то прокляну,
Но в пояс не забуду поклониться
Всем тем, кто написал, чтоб я не смел ложиться!
Пусть чаша горькая — я их не обману.

Я буквально несколько месяцев назад нашел текст. Там год не указан, но, как я понимаю, он написан в какой-то связке, внутреннем диалоге с текстом, который начинается словами:

Мне судьба до последней черты, до креста
спорить до хрипоты, а за ней – немота,
убеждать и доказывать с пеной у рта,
что не то это вовсе, не тот и не та,
что лабазники врут про ошибки Христа.

И так далее. Там тоже, помните, про чашу, которую дано испить и донести поэту. Но вот эта строка «И сам я не забуду осениться», в те годы написанная, показывает, что для Владимира Высоцкого его христианство неслучайно. Оно, конечно, было культурным выбором, как когда-то у Мандельштама, который, будучи евреем, крестился в Лютеранской Церкви, чтобы выйти на просторы европейской культуры. Выйти из культурного гетто, которое, по мысли Сергея Аверинцева, в той ситуации в начале XX века все же представляла собой еврейская словесность в Российской империи.

Мандельштам крестится не в Православной Церкви, а в Лютеранской, чтобы на него не смотрели как на выкреста, который хочет себе какие-то бонусы заработать, поменяв веру, отказавшись от своих корней. Но это был выбор христианства как выбор культуры. Потом он пошел дальше — я имею в виду Осипа Эмильевича.

Можно обратиться к его удивительным предсмертным письмам, сопоставимым с письмами прославленных исповедников XX века, к его стихам, особенно последних лет. Тот, сделанный некогда культурный выбор во всех смыслах стал для него путем и истиной и жизнью — жизнью, растворенной вечностью Воскресения.

Для Высоцкого это тоже, конечно, не только культурный выбор. У него есть молитвы, написанные буквально за три месяца до смерти. Вы, конечно, знаете, как он сгорел — морфий. И вот за несколько месяцев до смерти во Франции Марина Влади определила его в лечебницу, в которой его просто изолировали за решетками от общения с его друзьями, во многом ответственными за гибель Владимира Высоцкого, потому что это они возили ему из СССР эту «дурь» (хотя здесь не стоит забывать и о том, что он был, конечно, человеком неотразимым – когда он чего-то просил, отказать было почти невозможно).

И в лечебнице было несколько дней тишины. Неделю его выводили из ломки, потом снимали зависимость, а потом он за несколько дней написал серию стихотворений. Среди них был такой текст: «Чту Фауста ли, Дориана Грея ли, но чтобы душу дьяволу ни-ни, зачем цыганки мне гадать затеяли, день смерти уточнили мне они. Ты эту дату, Боже, сохрани, не отмечай в своем календаре или в последний миг возьми и измени, чтоб я не ждал, чтобы вороны не лелеяли и чтобы агнцы жалобно не блеяли, чтобы люди не хихикали в тени. От них от всех, о Боже, охрани. Скорее, ибо душу мне они сомненьями и страхами засеяли».

Понятно, что перед нами человек, который буквально проваливается в эту зависимость, кричит, ему больно, но он обращается к Богу. Я просто подчеркиваю, что для Высоцкого вот этот взгляд в небо не был чем-то случайным, скорее, он всегда присутствовал, особенно в последние годы его творческой судьбы.

И в текстах это тоже находит свое отражение. В частности, в знаменитой его песни, песни о войне «Их восемь, нас двое» — есть такая строфа:

И я попрошу Бога, Духа и Сына,
Чтоб выполнил волю мою –
Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою.

Тут любопытно рассогласование множественного числа Лиц и единственного числа глагольной формы. По правилам русского языка: я попрошу Васю, Петю и Женю, чтобы они (они – их трое, несколько) выполнили волю мою. Высоцкий нарушает эти правила. Он, несомненно, их знает. И если говорить о правилах русского языка, стандартных, то эти слова выламываются из этих правил, из грамматики, из синтаксиса. Но с точки зрения богословия Троицы они абсолютно верны. «Чтоб выполнил». Бог троичен, но это Единый Бог.

Таких обмолвок очень много. Например, у Высоцкого есть повесть о лагерях «Черная свеча», написанная в соавторстве с другом Леонидом Мончинским. По нему был снят фильм «Фартовый», показанный по нашим телеканалам. Но там ничего не осталось из того, на что мне хотелось бы обратить внимание. Там зона, лагерь, там есть какие-то герои. Среди них есть священник, монах Кирилл, который говорит довольно птичьим языком, пересказывая Евангелие, но по сути пересказывает правильно.

Конечно, так на зонах никто не говорил. Но стилизация есть стилизация. И там ситуация очень похожая на сюжет «Не стреляйте в белых лебедей». Там его блатные лишают руки, пальцы руки ему изувечили, искалечили. Он их прощает. И к нему приходит главный урка, сейчас бы сказали — вор в законе. Приходит каяться, потрясенный, что монах их не заложил. Конечно, возникает вопрос: что тут написал

Высоцкий, а что его соавтор? Но этот текст они писали вместе, работали над ним вместе, это известно.

Тем самым эти горизонты смыслов не были чуждыми для Высоцкого, он с ними соприкасался. Еще пример: изначально в песне «Я не люблю» было «И мне не жаль распятого Христа». Его первая жена Людмила услышала, и ей было очень больно — она верующий человек. Он изменил на «Вот только жаль распятого Христа». В 1969 году.

Высоцкий исправил не только потому, что жена отреагировала, но и потому, что на это «не жаль» очень резко отреагировал Борис Можжевель — писатель из плеяды тех самых почвенников, которые писали об исчезающем мире русского крестьянства. И это еще к вопросу о том, чье мнение было важно для Высоцкого. И чем дышала русская интеллигенция, те самые шестидесятники, семидесятники в те годы.

Любопытно, что религиозность Высоцкого не дает покоя не только православным христианам. Один автор, Александр Риман, посмертно «обратил» его в иудаизм. Знаете на основании чего? В написанном также незадолго до смерти стихотворении «Общаюсь с тишиной я...» есть такое четверостишие:

Жизнь — алфавит: я где-то
Уже в «це-че-ше-ще», -
Уйду я в это лето
В малиновом плаще.

У него была малиновая пижама. Риман на основании этого заключает, что «отношение к жизни, как к алфавиту, у поэта не случайно, причем употребление этого афоризма в сочетании с буквами, вошедшими в русский язык из иврита, не может не свидетельствовать о понимании Высоцким космической сущности языка Торы, который в последние годы становится объектом рассмотрения математиков и программистов. Ученые находят в оригинальном тексте Писания зашифрованные там события мировой истории, а некоторые из них даже пытаются прогнозировать будущее. Тора это, кстати, запрещает, а потому прогнозы не сбываются».

Ну, это как некоторый курьез.

Высоцкий, несомненно, понимал тему еврейства, еврейской трагедии — мы знаем, что их отлучали и от высшего образования, при Сталине это началось. У него есть замечательные стихи и песни об этом.

Но если взять творчество Высоцкого во всей полноте, то никаких следов Торы мы там, наверное, не найдем. Ни в мировоззрении, ни в системе образов, которые он выстраивает. Но очень хочется хотя бы после его смерти человека увидеть своим.

Совершенно очевидно, что Высоцкий подбирал эти буквы не по принципу их ивритизма, если позволите, а просто потому, что они были в конце алфавита. Это буквы конца, конца алфавита и конца жизни, а он уже подходил к концу, он стоял на пороге смерти. Его отпевали. Владимира Высоцкого отпевал тот же священник, отец Александр, что через несколько лет крестил отца Андрея Кураева.

Где он был крещен? Наиболее распространена гипотеза, что в Армении. Почему в Армении? Потому что в те годы креститься здесь, в Москве, было довольно

проблематично. На Таганке две молодые актрисы крестились. Любимова потом вызывали на горкомовский ковер. Все отслеживалось, и поэтому московская интеллигенция уезжала венчаться, крестить детей на дальнюю периферию. Скажем, Сергей Сергеевич Аверинцев венчался в Грузии, в Тбилиси. Высоцкий поэтому, видимо, крестился в Армении.

Крестился он, конечно, не в монофизитство, он крестился в христианство, тем более что тогда этот вопрос вообще не рассматривался. Далекое не все знали о различиях между Армянской и Православной Церквями. В любом случае все знали, что Армянская Церковь такая же древняя, как и Православная.

А теперь я предлагаю задать вопросы мне, потому что я долго еще буду цитировать и читать, а может быть, у вас совсем другие вопросы и мысли.

Вопросы зала

Несоблюдение закона ведет к непредсказуемым последствиям

- По поводу искажений. Вы сказали, что искажения сделаны в Церкви. Но искажения идут и от ее противников, разве нет? Например, убийство двух женщин в Казани.

- Это страшная история. Все-таки человек при этом себя христианином не считал, я очень надеюсь. Потому что людей, которые совершают преступление, довольно много, и оправдывают они себя чем угодно.

И безобразный поступок Pussy Riot— не повод для подражания, это однозначно. Но очень важно понимать, что нас не устраивает в этом поступке. Потому что когда мы говорим, что это гонение, мы девальвируем понятие гонений. Гонение — это когда люди жизнь отдавали за свой храм, за свою веру в лагерях. Когда у нас проходит церковное мероприятие (вот и сейчас, кстати, намечаются), рядом охрана, по всем каналам транслируют. Если это гонение, тогда что такое гонение?

Акция Pussy Riot — хулиганство, безобразие. Это возмутительно не потому, что в храме Христа Спасителя. Было бы так же возмутительно, если бы это случилось, например, в мавзолее. При всей моей нелюбви к вождю мирового пролетариата, это могила, и никому, в том числе и мне, не позволено там вести себя неподобающим образом. Это недопустимо нигде, — ни в детском саду, ни в метро, ни в синагоге, ни в какой-нибудь часовне на Кольском полуострове.

Свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается лицо другого человека. Если человек этого не понимает, если он позволяет себе как на подиум выйти и продефилировать перед окружающими, топчя чьи-то чувства, причиняя кому-то боль, это надо пресекать. Такие вещи удается остановить на уровне общественного осуждения, отношения общества. Если это не срабатывает, включаются правовые механизмы. Пока, согласно российскому законодательству, это хулиганство, за которое полагается штраф и административное наказание.

Если мы понимаем, что ситуация выходит за рамки, что стало очень популярно так себя вести, надо менять законодательство, какие-то другие нормы принимать. Как в Европе — во многих странах они есть. Никто не мешает это сделать, но это будет уже тогда превентивная мера. То есть эти за хулиганство тысячу заплатили и

гуляйте дальше, но поскольку закон уже будет принят, следующая попытка обернется гораздо более серьезными последствиями. Если бы их не посадили, можно было бы это сделать. Сейчас нельзя. Сейчас ситуация вышла за рамки правового и нравственного поля.

И что еще очень интересно! Никто уже сейчас не вспоминает о коррупции, о выборах осенних и весенних, а все обсуждают дело этой скандальной группы и так далее.

Кому это выгодно? Если продумать до конца, мы получаем довольно неожиданный ответ. Но если посмотреть по результатам, мы получаем ситуацию именно такую. И что мы можем в этой ситуации делать? Быть самими собой. Не срываться. Я понимаю — было бы, наверное, нормально, если бы какие-то государственные деятели сказали: за это преступление надо наказать строго! Но мы не можем себе это позволить как христиане. Да, были исключения из этого правила.

Лука (Войно-Ясенецкий)

Например, Лука (Войно-Ясенецкий), великий человек, исповедник, прямым текстом призывал расстреливать фашистскую сволочь. Когда во время Нюрнбергского процесса на Западе шли некоторые дискуссии, пожалуй Геринга и других или все-таки повесить, в Советском Союзе выступили люди, которые имели мировой авторитет.

Священноисповедник Лука был известен как великий хирург, и он сказал, что, да, этих мы просто обязаны расстрелять или повесить. Потому что их злодеяния превзошли любую меру человечности. Но очень важно понимать, что только война иногда вынуждает переступать через законность и даже через какие-то понятия гуманизма. В случае с фашизмом, мне кажется, это совершенно оправданная реакция стороны, истерзанной фашистской ордой. Действительно ордой. Посмотрите, что они творили. И можно понять эту реакцию, здесь она совершенно справедлива, мне кажется.

Но я бы не сравнивал Геринга или Кейтеля и вот эту хулиганскую группу. Почему это очень опасно? Потому что как только мы позволяем себе из лучших побуждений

сломать кому-то жизнь, нарушая закон... Следующими в списке неугодных оказываемся именно мы.

Кстати говоря, если вернуться к последним событиям – спиливанию крестов. Солдаты фашистской армии Вермахта вспоминали, что когда во время французской кампании они шли по городам и весям, они могли точно сказать, где до них были эсэсовцы — в этих городах и селах были срезаны все кресты. СС была религиозная секта, языческий орден, кровь и почва. У них была личная ненависть ко Христу, они зачищали все от крестов, от каких-то напоминаний о Христе даже во Франции, когда еще зверств и ужасов, которые были в России, не наблюдалось.

Когда еще немцы пытались играть в такую европейскую войну, боялись англичан и американцев, боялись их спровоцировать. Уже тогда это было. И то, что мы видим сейчас в России, это понятно, что это неоязыческие, сатанинские секты, может быть, скинхеды или просто больные неуравновешенные люди себя так проявляют, самовыражаются. Вопрос, что послужило пусковым механизмом к этой агрессии.

Конечно, извращения есть со всех сторон. Нам важно оставаться самими собой: Церковью, христианами, жить по Евангелию. А в Евангелии все-таки сказано: «Врачу исцелися сам». Хочешь у другого человека сучок из глаза вынуть — свои бревнышки повыкатывай. Апостол Павел писал об этом буквально следующее: «Лучше для нас быть обиженными, нежели обижать». Это нам надо запомнить.

Обязательно ли для спасения замужество и деторождение?

- У многих женщин отсутствует материнский инстинкт, потому что они становятся сильными. Есть такая точка зрения, что женщина может реализовать себя только через мужчину, только через материнство. Какова ваша точка зрения?

- Моя точка зрения совпадает с точкой зрения апостола Павла, который четко формулирует, что во Христе нет ни женщины, ни мужчины. На некоторой высоте это уже неважно, и конечно, чадородие не входит в то, без чего нельзя спастись.

В Православии такого нет, и поэтому апостол пишет, что жена чадородием спасается, но именно жена! И тот же апостол пишет, что лучше для вас не вступать в брак, если можете, и везде поясняет, что это его личное мнение, а не то, что Господь ему открыл.

В православии человеку как раз комфортно в этом плане. Ему никто не говорит: вот ты должен отречься, а потом внуков воспитать, а потом о душе подумай. И наоборот не говорят: все бросай, муж – это скверна, дети – это однозначное зло, брак и мир – это грязь, дуй в монастырь, там спасешься. Это все за рамками традиции.

В православии очень бережное отношение к человеку. Даже если человек приходит в монастырь (неважно, девушка или юноша), и у него ангелы в душе поют, он уже завтра собирается фаворский свет созерцать, а сегодня хочет пост на себя наложить очень большой. А ему говорят: «Вот тебе лопата, вилы, иди в коровник, навоз кидай, будешь послушником или послушницей, и думай, твой ли это путь. Можешь уйти в любой момент. Ты был послушником, понял, что это не твое, иди семью создавай».

Я знаю замечательных священников, которые начинали послушниками, и по благословию игумена, который заметил, что они с детишками, приходящими в монастырь, любят возиться, возвращались в мир, женились, свой путь продолжили в священном сане. Никакого там дискомфорта, разлада. Сохранили духовную связь с монастырем. Удивительные люди, подвижники, хотя и семейные.

И это, кстати, полный контраст с сектой, где завтра – мантра, послезавтра пост, через три дня астрал, а через 5 дней – Кащенко. Это все по нарастающей. Опасна аскеза. Пост, молитва душу истончают, душа становится проницаема для действий духовных, а какие духи придут к тебе и насколько ты готов к различению духов? Имеешь ли ты самое главное — смирение?

Не имеешь — вот тебе вилы, лопата, и давай на коровнике поработай. И у человека будет время сделать выводы. И пост ему запрещают на себя налагать. Молочко коровье пей, рыбку кушай, на трапезы ходи, молись, причащайся два раза в месяц. В Псковско-Печерском монастыре так. А там все-таки люди помнят о монашестве и о традиции — этот монастырь не закрывался.

Поэтому нет никакого рецепта спасения в смысле брачного состояния или безбрачия. И законы спасения души, кстати, абсолютно одинаковы. Нет во Христе ни женщины, ни мужчины. Здесь — есть.

Если же говорить непосредственно о сильных женщинах и проблемах замужества. Я понимаю наших девчонок. Они, может, и рады бы замуж выйти, а за кого? Мужиков-то почти не осталось — не воспитываем мы ребят мужиками. Они не знают, с какой стороны топор взять, а, главное, не знают, как взять на себя ответственность.

Поэтому я и считаю, что «Православные следопыты» — то, чем я занимаюсь, в том числе — это какая-то возможность для ребенка стать настоящим. Одно дело — на всем готовом расти в Москве, в бетонном мешке, и совсем другое дело — в лесу. Своими руками надо костер развести, бревно перепилить.

В этом году у меня ребята перепилили бревно. У нас была бензопила в соседнем лагере, но я запретил ее брать, сказал: «Вот прекрасная двуручная пила — ничего лучше не придумали». Мы с ними пилили вот так. Очень полезно. На Валдае это было. Бревно вот такого размера, как этот стол. Из него стол и сделали, два полена связали, бревно, прекрасный столик получился.

Вот он своими руками все это делает: вяжет узлы, на байдарку встает, за продуктами ходит. Мы, выпав из аграрной цивилизации и став цивилизацией городского типа, не нашли еще механизмов, инструментов, подходов педагогических, чтобы то, что мы потеряли с природой, вернуть через педагогику. Поэтому и вырастают пацаны, которые не мужики, и девчонки, которые не женщины.

И вторая проблема – однополовые семьи. Он этих детей маленьких только по телику видит и на иконах еще, если в храм ходит. Чего с ними делать, он не знает. У них в семье нет, у соседей тоже нет. А неизвестное пугает. Поэтому даже вступая в брак, детей не рожают.

Что может здесь Церковь? Оставаться собой и эти вещи пытаться с другой стороны давать. Искать какие-то решения.

Чем мне интересно скаутское движение? Тем, что оно дает систему. Это не разовое: нам поездку организовали в лагерь, там все вокруг нас бегали, мы там отдыхали, теперь вернулись в Москву, и здесь теперь отдыхаем целый год. Церковь – такая, знаете, карусель, которая нас развлекает. Отношение очень потребительское.

А скаутская система хороша тем, что она опирается на идею долга, служения, чтобы ты потом отдавал. Научился вязать узлы, палатки ставить, а теперь поехали в детский дом, и ты уже им это организуешь. Не мы с вами, а наши дети должны это делать. Они должны заботиться о других, таких же, как они.

И еще очень важный момент. Я отказываюсь обсуждать чьи бы то ни было пастырские духовные советы, потому что они адресованы не нам. Вот если этот батюшка книжку напишет о том, что должно в семейной жизни и в духовной жизни, тогда можно ее и обсуждать, а поскольку в данном случае суждение является частным, личным, адресованным конкретному человеку, не вижу смысла его обсуждать.

Тем самым я отказываюсь давать вам рецепт, как спасти свою душу в зависимости от семейной или несемейной ситуации. И там, и здесь, как говорил один старец, в IV веке, и дьявол тот же, и человек тот же, и Бог тот же. И там, и здесь искушения те же и грехи, их новых никто не придумает. И труд тот же, и спасение то же.

Главная задача – научиться любить. И в семье этому учат, и в монастыре этому учат. Это долгий труд. Задача взрослых, тех, кто детьми занимается — думать, как сделать так, чтобы они людьми выросли, были готовы отдавать, делиться, быть опорой. А дальше будет система естественного отбора. Атеисты вымрут, потребители тоже вслед за ними, и останутся христиане, если они действительно будут христиане и своих детей смогут чему-то научить. Так что посмотрим, кто кого съест, чьи в лесу шишки, как в одной экранизации «Властелина колец» говорил гном.

Боишься ИНН – признайся, что веришь в магию

- Я недавно в храм пришла. В последнее время буча такая насчет электронных паспортов и всего такого. Начинается своеобразная паника. Как относиться к этому?

- Как к манипуляции вашим сознанием. Помню, как в 1993 году, на сороковой день после убийства на Пасху трех монахов Оптиной пустыни, поехали мы, студенты православного университета с нашим деканом отцом Андреем Кураевым в Оптину помолиться об упокоении новопреставленных иноков. Человек 15-20 нас было.

И на обратном пути к нам в электричку подсел благообразный дедушка лет 60, который рассказывал мне и еще одному молодому человеку (потому что всех остальных отец Андрей загрузил своими байками, анекдотами – потом я понял, почему он это сделал), что на советских деньгах — тогда еще советские деньги были — пятиконечные звезды, там шестерки какими-то линиями нарисованы, еще что-то там. Что в советском паспорте — в том, за который сейчас бьются борцы с электронным паспортом (!) — как раз вот эта печать антихриста.

Часа два все это нам излагал. Я задал ему вопрос: «Вот вы деньги отрицаете. На что же вы живете?» Он говорит: «Мне покупают». «А работать?» – «Работать – это не обязательно. Я тут истории всем рассказываю. Я сам чуть ли не внук императора

Николая II». Сейчас это называется просто «разводить на деньги», тогда тоже так называлось. Это я понял чуть позднее. Я и раньше как-то не был податлив на подобного рода манипуляции, а после этого стало все понятно.

Зачем это делается? Чтобы человека отвести от главного в его жизни — от его души — ко всяким внешним придуманным страшилкам. Получается псевдохристианский талмуд: с какой ноги вставать, в какой день что делать. Есть замечательнейшая история, когда в еврейском местечке натягивают веревку между домами в субботу, потому что в субботу нельзя ничего делать, только в своем доме можно, а надо пианино перетащить из одного дома в другой. Веревку натянули — теперь это один дом, и в своем доме можно перетащить пианино. А вот если веревки нет, нельзя. Там за этим есть некоторая религиозная система. Весьма своеобразная, но она есть. Конечно, это магия, в которую скатился великий монотеизм, библейский монотеизм, утратив вот эту свободу в Боге. Очень жаль.

И православным борцам с электронными карточками надо тогда честно сказать: «Мы не христиане, мы люди магии, мы боимся паспортов. Мы не читаем Евангелие, где говорится: “Не бойтесь. Я победил мир”». Святые отцы говорят: двух вещей надо бояться – Бога и греха. Не имеет значения, в каком виде информация хранится. Я сейчас читаю с ноутбука, когда-то люди читали по книге, а еще раньше в голове носили все. Совершенно неважно.

Замечательно то, что эти книги об ИНН, о конце света, об антихристе, который к нам вот-вот сейчас придет из-за ИНН, иногда печатают в монастырях или в каких-то храмах, у которых есть ИНН. Нормально! Вам нельзя, а нам можно. В одной из украинских епархий к местному архиерею пришли бабушки и сказали: «Нам батюшка запрещает ИНН. А без этого пенсии не платят». «Очень хорошо, — ответил архиерей. — Я благословляю этого священника запрещать ИНН, но с одним условием – пенсии вам он платит из своего собственного кармана». Все прошло у бабушки сразу!

Понимаете? Это тоже надо понимать. Это форма манипуляции. Сначала вам проблему создаем, потом за ваш счет ее решаем. Вы у нас купите книжку о конце света и разных страшных историях, нам денежек дайте, чтобы мы за ваш счет как-то без паспортов находились, существовали. Эти страхи всегда идут за человеком, пытаюсь его отклонить от страха Божия, от благоговения, от любви к Богу.

Опять же, читайте советские тексты, даже русские тексты. Если мы сейчас говорим о советской эпохе, будут упомянуты Борис Васильев, Борис Можжевель и другие авторы. После них это настолько кажется мелким, несущественным, бессмысленным, что... Одно из противоядий – культура, просвещение против этих страхов.

Есть ли сегодня культура?

- В настоящее время есть такие тексты?

– Конечно. Я поэтому и начал говорить. Тимур Кибиров, Дмитрий Быков, Марина Журиная, Вячеслав Бутусов. И еще я очень вам советую – найдите в интернете и посмотрите гениальный совершенно мультфильм «Рождество». Михаил Алдашин снял. Всего 15 минут идет, слов вообще нет, только музыка, но — шедевр! Наша культура, конец XX века — время создания этого мультфильма. Древнерусская иконопись начинает говорить с нами на языке мультипликации.

А до того, в советские годы, был мультфильм «Сказка о царе Салтане», в андроповские годы снятый, где мы встречаем образ Богоматери Владимирской и много чего еще. Там слова, музыка замечательные, и сделан чудесно.

Это я к тому, что России есть что сказать. В эпоху глобализации нам надо не бояться: «Ой, нас сейчас сотрут и проглотят». У нас есть свой язык, система образов. Нас знают, нам не надо этот бренд создавать, он уже создан. Андрей Рублев уже есть, и Достоевский уже есть, и Толстой уже есть, и Солженицын, и многие другие, и Набоков, и Бунин. Нам ничто не препятствует, чтобы пойти дальше и научиться на этом языке говорить так, чтобы нас слышали.

Единственное, чего я боюсь, что мы можем это потерять сами: пропить, прогулять, проколоть, пробегать на демонстрациях разных с флагами. Я сейчас говорю про те демонстрации, на которые ходят по административному принуждению. Что меня еще очень беспокоит – я понимаю, что государство не очень заинтересовано в образованных людях, потому что они все время проблемы создают.

Я очень надеюсь, что все-таки эта болезнь не перекинется на Церковь, потому что есть некоторое ощущение у меня, что те, кого называют церковными спикерами, перестали различать некоторый камертон культуры, адресуя людям свои месседжи. Я сейчас не обо всех, а о некоторых отдельно взятых случаях говорю, но их становится все больше. А интернет умножает эти опечатки на количество пользователей. То есть они уже не равняются на Лихачева, Аверинцева, убиенного о. Александра, Ольгу Седакову или Бориса Васильева.

Если мы потеряем этот камертон, эту тональность, то вернуться к ней почти невозможно. Потому что либо ты этим дышишь, либо потом это будет археология: здесь жили китайцы, здесь жили русские, там жили римляне, тут Византия была. Интересная очень цивилизация. Вот кладбище сохранилось, несколько книжек. А кто тут будет жить? Это будут люди совсем другой формации. Неважно, кстати, какая кровь будет течь в их жилах. Будут это этнические русские, или те же самые китайцы, или кто-то еще.

Давайте учиться у грузин

Очень всем советую в паломническую поездку в Грузию поехать, посмотреть, как там сохранили свои традиции. У Грузинской Церкви есть чему поучиться, как мне кажется. У них замечательнейшие отношения с грузинской интеллигенцией и с Тбилисским университетом, с их студентами. Все свои, все родные. Вот этого разделения, которое мы сейчас наблюдаем, раскола – нет. Правда, у них страна – иная по количеству населения и вообще там, в горах, другой мир. Но это возможно.

Там очень любят Россию и русских, при всей этой странной политике (причем с обеих сторон) отношение очень хорошее к людям, приехавшим из России. Буквально недавно был в Ахалкалаки — городе на границе Армении и Грузии. Население армянское, но там... Не сказать, чтобы они были такими глубоко воцерковленными людьми, потому что там в советские годы просто вытапывали духовную жизнь, а сейчас тоже не быстро все это возрождается, поэтому там немного армянских священников.

Сейчас процесс этот как-то стал происходить. Там служит владыка Николай Ахалкалакский. Он грузин, православный христианин. У него два священника сейчас

всего. Поскольку местное население не очень в храм заглядывает, хотя есть и армяне среди его паствы, а служат они по-грузински, он уже много лет приглашает студентов из Тбилисского университета, размещает их в каких-то домиках, иногда в палатках, обеспечивает питанием. Не пьют, не курят – это принципиально.

Что делают студенты? Они восстанавливают храмы. Древние — X века. Для нас древность – XVI век, а там древность – IV-V век. X век — так, обычное дело. Помогают студенты Церкви, а по вечерам они вместе с владыкой смотрят фильмы, классику советского и современного кино. Тарковского каждый вечер разбирают, думают над этим. Владыка сам снимает. У него есть замечательный фильм об эвтаназии.

В его архиерейском доме, открытом для всех, находится палеонтологический музей. В буквальном смысле этого слова. Могу фотографии показать. Причем там можно трогать все руками и брать, но с возвратом. Домой нельзя унести, а подержать можно. Скажем, я понял, что эти древние люди, которые скребками шкуры скребли и резали ими, кремниевыми, были очень талантливыми людьми — очень удобная вещь скребок. Когда судьба забросит нас в какие-то такие дебри, мы сможем выжить, если вспомним эту палеолитическую школу.

У владыки все это в доме есть. Рыбки какие-то там, несколько миллионов лет назад жившие на нашей планете, окаменевшие. От окаменелостей и горшков IV тысячелетия до Рождества Христова до каких-то там уже более современных произведений искусства.

Дети у него в доме постоянно. Неважно, какие: грузинские, армянские, русские, Все приходите. Это возможно. Есть такие примеры и в России. Просто под впечатлением от поездки в Грузию рассказываю. Подчеркиваю, это не Тбилиси, это периферия, где все очень тяжело, все приходится с большим трудом делать.

Между прочим, если российские студенты туда соберутся, их там примут с радостью, только надо заранее организовать. Так что в нашу комиссию миссионерскую стучитесь — поможем. Пить и курить нельзя – это принципиально. Кто-то из этих студентов семьи создал.

Вы спрашивали про семьи – вот куда надо молодежь «загонять»! Если уж куда-то их приглашать, вот, давайте потрудимся, камешки поворочаем, ограду соберем для храма вместе. Там сразу видно, кто на что способен, к чему готов.

Здесь отец Косьма создал место общения удивительное, за что ему огромное спасибо. Гораздо больше мы можем с вами сделать, чем нам кажется. На этой оптимистической ноте я предлагаю закончить. Спасибо вам!

Материал взят с сайта «Православие и мир» (<http://www.pravmir.ru>)

Автор: Иеромонах Димитрий (Першин), председатель Миссионерской комиссии при Епархиальном совете г. Москвы, старший преподаватель кафедры биомедицинской этики Российского Государственного Медицинского Университета